

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S268667300013566-2

Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Российская Федерация 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26. 11. 2020.

Резюме: В статье рассматривается трансформация присутствия группировки войск США в ФРГ в 1990–2020 гг. Предпринята попытка вписать этот процесс в два более общих: эволюция военного присутствия Соединённых Штатов в Европе в рамках зоны ответственности НАТО с начала 1990-х годов и диалог США и ФРГ по безопасности и обороне. Отмечается количественная и качественная (ротационный и постоянный характер военного присутствия соответственно) диспропорция между вновь создаваемой группировкой США в Восточной Европе (с 2014 г.) и их войсками на территории «старых» государств – членов альянса, особенно в ФРГ. Прослеживается динамика изменений численности и организационно-штатной структуры группировки США в Германии с 1990 г. Сокращая здесь войска, Вашингтон стремился стимулировать европейских партнёров по НАТО нести растущую практическую нагрузку в географической зоне ответственности альянса, тем разгружая военную машину США. При этом США в принципе не стремились к демонтажу механизма присутствия в ФРГ, напротив, начав его восстановительный рост в середине 2010-х годов. Вопрос сохранения присутствия стал в XXI веке превращаться в болезненную проблему двусторонних отношений, прежде всего в периоды их спада. В этой связи исследуются особенности, узкие места и последствия постановки Г. Шрёдером (2005) вопроса о полном выводе войск США и инициативы Д. Трампа (2018 г.; реактивированы в расширенном варианте в 2020 г.) о существенном сокращении группировки. Делается вывод о количественных параметрах её критически низкого уровня, возможных последствиях для США в случае достижения этого показателя.

Ключевые слова: Механизм военного присутствия, НАТО, Германия, Восточная Европа, двусторонние отношения, Дж. Буш-младший, Д. Трамп, вывод войск

Для цитирования: Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ. США & Канада: экономика, политика, культура 2021; 51 (2) 38-56.

DOI: 10.31857/S268667300013566-2

Evolution of the U.S. Military Presence in Europe: the Example of Germany

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences,

Russian Academy of Sciences (INION RAS)

Russian Federation 117997, Moscow, Nakhimovskiy pr., 51/21

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864> e-mail: 1trunov@mail.ru

Received 26.11.2020.

Abstract. The article explores the transformation of the U.S. military presence in Germany B 1990-2020. The author tries to fit this process into two more general ones: the evolution of the U.S. military presence in Europe (since the beginning of the new Cold War) and the U.S.-German dialogue in the sphere of security and defense. Since 2014 the USA created and increased its military potential in Eastern Europe. But at the same time we can face the great quantitative and qualitative (rotational and permanent character of military presence) disproportion between the U.S. forces located in Eastern Europe and old NATO member states, especially Germany. The article issues the changes in the size and organizational structure of the US troops in Germany since 1990. One of the reasons of their reduction was the U.S. willingness to stimulate European partners to encourage more contributions in European part of NATO`s zone of responsibility that means to «discharge» the U.S. armed forces. At the same time the White House has been interested in maintaining of its rather large military presence in Germany and launched its recovery growth in the mid 2010-s. In the XXI century the maintaining of the U.S. military presence has been becoming the problem for bilateral dialogue, first of all during its crises. In this regard the author pays special attention to features, «narrow places» and possible consequences of two initiatives. They are the Gerhard Schröder`s proposal for the complete withdrawal of the U.S. troops from Germany (2005) and Donald Trump`s plans (2018; the more detailed version 2020) to cut the large part of the U.S. military presence. The article concludes about the quantitative parameters of its critically low level and consequences for the USA if this level is passed.

Keywords. mechanism of military presence, NATO, Germany, Eastern Europe, bilateral relations, Bush Jr, Trump, withdrawal of the troops.

For citation: Philipp O. TRUNOV. Evolution of the U.S. military presence in Europe: Example of Germany. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (2), 38-56. DOI: 10.31857/S268667300013566-2

ВВЕДЕНИЕ

К началу 2020-х годов новое прочтение получил вопрос обеспечения постоянного военного присутствия государств за пределами своих границ. Эта тенденция стала заметна как для стран, расположенных вне «коллективного» Запада (иллюстрация тому – параллельная заинтересованность РФ и КНР в создании военно-морских баз в Восточной Африке [1; 2]), так и для государств – членов самого Евроатлантического сообщества. Так, на фоне перехода к конфронтационной модели взаимоотношений с РФ (с 2014 г.) официальный Вашингтон пересмотрел линию на сокращение своего военного присутствия в европейских государствах – партнёрах по НАТО, наличествовавшую со времени окончания холодной войны. Прирост группировки США в Европе, стартовав в 2014–2016 гг., приходился на Польшу [3], а также (в существенно меньшей степени) на страны Балтии и Румынию. К весне 2017 г. здесь было сосредоточено 6,0 тыс. военнослужащих [4]; из них 4,5 тысячи в Польше, с добавлением к ним ещё 1,0 тысячи в соответствии с Американо-Польским соглашением от 12 июня 2019 г. [3]. Основу данных войск составляла одна «тяжёлая» бригада [4]. Кроме того, Белый дом пошёл на развёртывание с 2017 г. подразделений Корпуса морской пехоты в

Норвегии (0,7 тыс. военнослужащих) [5]. Тем самым Соединённые Штаты стали уделять повышенное внимание наращиванию своих вооружённых сил в зоне первого стратегического эшелона НАТО – в Восточной и отчасти Северной Европе. Вместе с тем все данные силы (около 8 тыс. солдат и офицеров) имели ротационный характер (с обновлением личного состава в 6–9 месяцев), что подчёркивалось официальным Вашингтоном в контексте приверженности де-юре соблюдению основополагающего акта Россия – НАТО [4].

Одновременно существенно более крупная группировка войск США (до 67 тысяч), притом дислоцированная на постоянной основе, оставалась в Центральной, Южной и Западной Европе [4]. Территориально главным реципиентом этих войск (более 50% всего состава) выступала ФРГ. Это положение сохранялось ещё со времени холодной войны 1947–1990 гг., когда Западная Германия располагалась на передовой противостояния Запада и Востока.

Сокращая объёмы военного присутствия в Германии в 1990-е – начале 2010-х годов, США отнюдь не стремились достигнуть критического ослабления его уровня и тем более пойти на его демонтаж. Готовность к пересмотру этой линии дважды (с пересмотром после первого раза [6]) – в июле 2018 г. [7] и в июле 2020 г. [8], озвученная президентом Д. Трампом, вызвала широкий политический и общественный резонанс и актуализировала интерес к теме трансформации группировки войск США в ФРГ в контексте их отношений в военно-политической области и одновременно подхода Вашингтона к размещению сил и средств американской «военной машины» на территории европейских государств – партнёров по НАТО в целом.

Тема эволюции и перспектив военного присутствия Соединённых Штатов в Германии достаточно подробно освещалась в правительственных и парламентских (как США, так и ФРГ) документах, а также в СМИ. Осуществлялись и профильные научные исследования отечественными [Зверев Ю., 2017] и западными [Fleckenstein B., 1990: p. 2-4] аналитиками. Вместе с тем рассматриваемая тематика в указанных работах изучалась на временном отрезке: лишь до середины 2010-х годов, когда начались резкие изменения системы военного присутствия США в Европе в целом и в Германии в частности. В настоящей статье предпринята попытка восполнить данный пробел. Основными методами исследования избраны сравнительный и инвент-анализ.

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ США ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЕВРОПЕ

В 1990-е – начале 2010-х годов отчётливо проявились две тесно связанные тенденции: масштабные сокращения вооружённых сил США, равно как и стран Запада в целом, и их перефокусирование с деятельности вдоль периметра зоны ответственности НАТО на решение задач вне её. Ключевой целью данных миссий (как силовых, так и особенно небоевых), число которых увеличивалось, а спектр

разрастался, была борьба с различными угрозами нестабильности. В основном они проецировались из стран, охваченных вооружёнными конфликтами, особенно в тех случаях, когда их сторонами выступали структуры международного терроризма. Предоставляя возможность бороться с вызовами безопасности преимущественно на дальних подступах к Евроатлантическому сообществу, подобное применение войск должно было нести существенные преимущества. Вместе с тем на практике, особенно в 2010-е годы, США и их партнёры далеко не всегда эффективно применяли эту схему использования своих «военных машин». Так, недостаточно энергичные и успешные действия западной антитеррористической коалиции в борьбе с «Исламским государством» (ИГ) в Ираке и Сирии спровоцировали мощный миграционный кризис и волну роста террористической активности в Евросоюзе, пик которых пришёлся на 2015–2016 гг., поставив страны объединения в оборонительное с точки зрения обеспечения безопасности положение.

В условиях возникновения новой холодной войны между Евроатлантическим сообществом и Российской Федерацией реактуализировался вопрос о наращивании странами – участницами Североатлантического альянса их военного присутствия вдоль восточных границ зоны ответственности НАТО. Главная роль, которую были готовы взять на себя США в процессе наращивания потенциала блока в Европе, являлась одним из ключевых индикаторов их готовности и способности играть роль «старшего партнёра» для расположенного здесь массива стран – участниц альянса. В зоне первого стратегического эшелона блока – Восточной Европе, странах Балтии, а также Норвегии – многонациональные группировки НАТО были развёрнуты ещё в 2004–2013 гг., однако все они были исключительно военно-морскими или военно-воздушными. Это 1-я постоянная морская группа (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ) в акваториях к северу от Восточной Европы (прежде всего в Балтийском море, Финском и Ботническом заливах), 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ – к югу, особенно в Чёрном море, а также Миссия по патрулированию военно-воздушного пространства стран Балтии [4]. Личный состав и техника в состав этих ротационных группировок в основном предоставлялись европейскими государствами – членами НАТО, то есть в собственно военном вкладе США был скорее вспомогательным [см.: 4].

В реалиях новой холодной войны в странах Восточной Европы и Балтии было учреждено ротационное наземное войсковое присутствие, а параллельно создавалась сетка штабов корпусного и нижестоящих уровней [9]. В авангарде этого процесса оказались США: в мае 2014 г. они развернули первые ротационные ротные тактические группы в регионе [10]. На Варшавском саммите НАТО (2016 г.) было принято решение о развёртывании четырёх «тяжёлых» батальонных тактических групп (БТГ), комплектуемых европейскими членами альянса [4]. Приняв на себя роль «рамочной нации» в комплектовании БТГ на территории Польши, одновременно США в национальном качестве развёртывали «тяжёлую» бригаду (также на ротационной основе) с базированием её главных сил в Польше, а передовых отря-

дов – в странах Балтии и Румынии [11]. В Польше в 2019 г. эти силы были дополнены межвидовым контингентом, эквивалентным БТГ [см.: 3].

Параллельно с развёртыванием активной (кадровой) бригады, которая в ходе каждой ротации прибывала с парком своих тяжёлых вооружений и военной техники (ВВТ), США стали создавать в указанных странах базы хранения; для их превращения в полноценные кадровые подразделения требовалось лишь доукомплектование личным составом, прибывавшим из США или расположения их контингентов в других странах НАТО. Так, в 2015–2016 гг. через ФРГ в Польшу, Балтийские республики, Румынию и Болгарию прибыло 550 единиц бронетехники (танки «Абрамс» и БМП типа «Брэдли» [12: 1], то есть парк для более чем двух «тяжёлых» модульных бригад армии США (по штату каждой такой бригаде положено 87 танков и 144 БМП, то есть 231 бронеединица). Таким образом американское командование возвращалось к двусоставной схеме войск в Европе (как во время холодной войны): это сочетание кадровых и кадрированных (имевших полный штат техники и оружия с минимумом личного состава) соединений вблизи границы зоны ответственности НАТО.

Следует обратить внимание, что в 2014 г., когда численность ротационных сил США в Восточной Европе была ещё небольшой (несколько ротных тактических групп), они в основном создавались из подразделений, временно переброшенных из состава постоянной группировки в Италии (173-я аэромобильная бригада) [10]. В дальнейшем, особенно с 2016 г., войска прибывали с территории самих США: в 2016–2019 гг. роль ротационной «тяжёлой» бригады принимали на себя 3-я бронетанковая бригада (3 тбр) 4-й пехотной дивизии [11], 2-я тбр 1-й танковой дивизии, а также 1-я тбр 1-й кавалерийской дивизии [13], причём 4-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизия регионально аффилированы с Европейским командованием войск США (EUCOM). Логистически все данные соединения сначала перебрасывались в порты западных земель ФРГ, а затем комбинированным путём (по железным и шоссейным дорогам) передислоцировались в Польшу, страны Балтии и Румынию, аналогичным образом возвращаясь со своей техникой на родину.

Какую роль в этой связи играла группировка войск США в Германии?

ЭВОЛЮЦИЯ ГРУППИРОВКИ США В ФРГ ДО 2017 г.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В 1980-е годы основу военного присутствия США в Западной Германии составляли V и VII армейские корпуса, каждый из которых имел по две дивизии – бронетанковую и механизированную, многочисленные отдельные части и подразделения. Для управления этими силами в ФРГ был развёрнут штаб 7-й полевой армии США. Другой значимой составляющей являлась мощная группировка ВВС (как тактической, так и стратегической авиации). Особо следует подчеркнуть развёртывание на западногерманской территории мощного ядерного

арсенала и средств его доставки – как ракет, так и стратегических бомбардировщиков. К 1990 г. общая численность войск США в ФРГ составляла 246 тыс. военнослужащих [Fleckenstein В., 1990: 2].

В постбиполярных реалиях – в условиях объединения ФРГ (1990 г.) и особенно вывода из её «новых» земель Западной группы войск советской (российской) армии (1991–1994 гг.) – США пошли на существенное сокращение своего военного присутствия. Так, уже в 1991–1992 гг. был запланирован и в основном осуществлён вывод 120 тыс. американских солдат и офицеров [Fleckenstein В., 1990: 2-4]. К 1995 г. были расформированы или выведены в США управление одного из армейских корпусов и две из четырёх дивизий (3-я бронетанковая и 8-я механизированная), а две оставшиеся (1-я бронетанковая и 3-я механизированная) сохранили две трети своего состава [Зверев Ю., 2017]. Однако всё это отнюдь не означало стремления и готовности США двигаться по пути полного демонтажа механизма своего военного присутствия или сокращения его объёмов до номинальных показателей. Напротив, стал осуществляться поиск соответствующих меняющимся мирополитическим реалиям форм его сохранения. Так, уже в феврале 1993 г. в Вашингтоне главами военных ведомств двух стран было подписано соглашение о создании корпусов совместного комплектования – германо-американского (дислокация управления в г. Ульм, федеральная земля Баден-Вюртемберг) и американско-германского (г. Гейдельберг, также Баден-Вюртемберг). В состав каждого корпуса включалось по одной дивизии из бундесвера и из армии Соединённых Штатов, при этом различалась «рамочная нация» – сторона, ответственная за общее руководство и предоставлявшая основной штаб: в первом случае это была ФРГ, во втором – США [14: 37].

Для процесса углубления практического сотрудничества между странами – участницами НАТО создание этих корпусов на первый взгляд выступало большим шагом вперёд. Так, в период холодной войны все соединения – как самого бундесвера, так и партнёров по НАТО (США, Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Канады) на территории ФРГ были однонациональными, хотя и чередовались в своём расположении вдоль границы зоны ответственности альянса. США одними из первых пошли на создание двунациональных корпусов, притом именно в ФРГ. Однако в этом случае не было (в отличие от созданного в 1994–1995 гг. германо-нидерландского корпуса) учреждено совместного органа управления: один штаб (большой со стороны «рамочной нации») функционировал параллельно с другим (второго государства-участника), сотрудничая, но отнюдь не интегрируясь. Роль «соединительного элемента» продолжали выполнять лишь небольшие миссии связи. Таким же образом строилось функционирование и взаимодействие дивизий и бригад США и ФРГ внутри корпусов [14: 37]. Тем самым именно официальный Вашингтон, учитывая выход Германии в отношениях с Нидерландами на качественно иной уровень взаимодоверия и взаимодополнения вооружённых сил, де-факто отказался идти по пути продвинутой военной интеграции. С точки зрения автора,

именно это стало ключевой причиной расформирования обоих корпусов в середине 1990-х годов, то есть ещё при администрации У. Клинтона.

Уже в тот период начали проявляться симптомы заинтересованности США в принятии самими европейскими партнёрами по НАТО большей практической нагрузки в географически своей части зоны ответственности альянса, а также в поддержке миссий (в том числе боевых) с ведущим участием США за пределами НАТО. Отчётливее эта тенденция проявилась при администрации Дж. Буша-младшего. Так, выражение европейскими партнёрами активной поддержки Вашингтону в борьбе с международным терроризмом после актов мегатеррора (2001 г.), в том числе направление войск для участия в операции «Несокрушимая свобода» (*Enduring Freedom*), руководимой США де-факто в национальном качестве, было истолковано в Белом доме как проявление неограниченной трансатлантической солидарности, причём применительно практически к любой планируемой Соединёнными Штатами операции в глобальном масштабе.

Эта переоценка проявилась в случае ФРГ, спровоцировав длительное (2002–2005) ухудшение двусторонних отношений. Иллюстративен отказ кабинета Г. Шрёдера/Й. Фишера от оказания не только военной, но и политической поддержки военно-наступательным планам США в отношении Ирака в 2002–2003 гг. Более того, официальный Берлин (и Париж) заявил о готовности заблокировать механизм НАТО для проведения военной кампании, тем самым вынудив США прибегнуть к формату «коалиции желающих». Не менее показателен другой пример: в 2002–2003 гг. правительство ФРГ выражало скепсис в отношении инициативы Белого дома по созданию сил быстрого реагирования НАТО (СБР; *NATO Response Force, NRF*), которые первоначально рассматривались администрацией Дж. Буша-младшего в качестве инструмента превентивного силового разрешения проблем безопасности. Лишь после отказа от такого восприятия СБР со стороны США Германия поддержала данный проект [Varwick J., 2007: 768-771]. Примечательно, что в тот период (2003 г.) был заложен принцип поочередного комплектования сил быстрого реагирования европейскими странами – участницами блока: в войсковом отношении США принимали в этом процессе почти точечное участие. И эта схема комплектования СБР остаётся неизменной до настоящего времени.

США, с одной стороны, проявляли заинтересованность в росте военно-политической активности партнёров по блоку, в том числе ФРГ. С другой – этот процесс создавал одновременно и угрозы лидерству Соединённых Штатов в рамках Евроатлантического сообщества. Де-факто наибольшая из них исходила от Германии. Так, в ходе фазы укрепления своих позиций на мировой арене от момента объединения (1990 г.) до утверждения в статусе региональной державы (1999 г.) ФРГ остро нуждалась в поддержке США, а потому демонстрировала признание за ними абсолютного лидерства. В XXI веке, в условиях движения Германии к положению полновесного глобального игрока, в двусторонних отношениях стал возрастать удельный вес первого компонента в дихотомии «кон-

куруция – кооперация», что дважды – при «зрелом» Г. Шрёдере (в 2002–2005 гг.) и при «поздней» А. Меркель (с 2017 г.) – порождало продолжительные и глубокие кризисы диалога. Их развитие прежде всего проявлялось в выражении жёсткого недовольства республиканских администраций (Дж. Буша-младшего и Д. Трампа) реализацией ФРГ державных амбиций внутри евроатлантического сообщества и на глобальном уровне в целом. В обоих случаях в действиях США наблюдались элементы перехода от лидерства к гегемонии, выражавшиеся в реализации по отношению к Германии чувствительно негативных (в том числе рестриктивных) шагов. Их целеполаганием являлось сохранение за Соединёнными Штатами роли «старшего партнёра» в двусторонних отношениях, и даже посредством снижения взаимодоверия. В свою очередь, руководство ФРГ отнюдь не было заинтересовано в долгосрочной деградации диалога: преодолевая кризисы, оно стремилось к плавной его эволюции, но с учётом растущего веса Германии в Евроатлантическом сообществе и мире в целом. В этой связи особо значимым становился вопрос сохранения военного присутствия США в ФРГ.

Впервые вопрос о его полном демонтаже был поставлен в докладе канцлера Г. Шрёдера на 41-й Мюнхенской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе 12 февраля 2005 г., то есть в ходе пиковой фазы кризиса двусторонних отношений. Обращаясь к Конгрессу США, автор доклада подчеркнул, что в условиях длительного отрезка времени, прошедшего с окончания холодной войны, содержание группировки войск Соединённых Штатов лишено военного смысла [15]. Следует подчеркнуть, что это предложение было вписано в комплекс инициатив, направленных на увеличение роли европейских стран – членов НАТО в реализации и «политизации» его деятельности, особенно в принятии решений блока [15]. Претворение на практике этих мер, в том числе обнуление иностранного (пусть де-юре и союзнического) присутствия, способствовало бы обретению ФРГ реального суверенитета.

Руководство США официально не прореагировало на это заявление, демонстрируя тем заинтересованность в сохранении своего присутствия. Этому способствовали проигрыш «красно-зелёной» коалицией досрочных выборов в Бундестаг (сентябрь 2005 г.) и наступление «эры» А. Меркель, то есть ведущей роли ХДС в правительстве ФРГ. Став канцлером, А. Меркель стала стремиться к скорейшему подъёму диалога с США, отказавшись от педалирования инициативы Г. Шрёдера. Упрочив тем самым присутствие своей военной группировки в Германии, официальный Вашингтон продолжал двигаться по пути сокращения её размеров во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов: если в 2006 г. в Германии находились 72,4 тыс. военнослужащих и 14,8 тыс. сотрудников гражданского персонала [16: 14], то в 2009 г. – уже 56,7 тыс. солдат и офицеров и 9,7 тыс. штатского персонала [16: 15]. При первой администрации Б. Обамы (1997–2001 гг.) было упразднено дивизионное звено в управлении сухопутными войсками США в Германии – они стали состоять из отдельных бригад и усиленных полков. Данные сокращения были обусловлены, прежде всего, собственно воен-

ными причинами: продолжавшимся с 1990-х годов сокращением вооружённых сил США, которое проходило на фоне аналогичных процессов в «военных машинах» государств – членов НАТО.

Показательны изменения в территориальной конфигурации войск США внутри ФРГ. Так, небольшим редукциям подверглись контингенты в Рейнланд-Пфальце (24,1 тыс. военнослужащих в 2006 г. и 21,1 тыс. в 2009), Баварии (23,0 и 19,8 тыс. соответственно) и Баден-Вюртемберге (12,8 и 12,4 тыс.) [16: 14-15]. При этом основные сокращения пришлись на войска в Гессене – они уменьшились с 12,6 тыс. до 2,8 тыс. солдат и офицеров. Но одновременно военнослужащие США появились к 2010 г. в Северном Рейне – Вестфалии (0,6 тыс.) [16: 14-15] – зоне традиционной ответственности британских войск в ФРГ.

Чем обусловлены данные изменения? В случае федеральной земли Рейнланд-Пфальц это объяснялось нахождением на её территории двух крупнейших военно-воздушных баз США – Рамштайн и Шпандалем. Сложно переоценить их ценность для внутри- и особенно трансконтинентальных перебросок войск и военных грузов США, в частности на Ближний Восток и в Африку. Соответственно, ФРГ выступала в роли удобно расположенного, технически отлаженного огромного логистического хаба в глубине зоны ответственности НАТО, обеспечивающего американским войскам свободу манёвра на глобальном уровне. В Баден-Вюртемберге находились управления сразу двух региональных командований войск США – европейского (*EUCOM*) и африканского (*AFRICOM*) (оба располагались в столице федеральной земли г. Штутгарте). Основные силы группировки наземных войск размещались в Рейнланд-Пфальце (170-я пехотная бригада), Баден-Вюртемберге (172-я пехотная бригада) и Баварии (2-й бронекавалерийский полк, эквивалентный бригаде) [Зверев Ю., 2017] – в последнюю была передислоцирована значительная часть войск, выводимых из Гессена.

Как представляется, повышенное внимание к Баварии, равно как и появление военных США в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия, было отнюдь не случайно. Фирмы именно из данных федеральных земель принимали ведущее участие в разработке и производстве «линейки» беспилотной разведывательной техники для бундесвера – наиболее «прорывном» сегменте его технико-технологической модернизации.

При второй администрации Б. Обамы (2009-2017 гг.) в группировке войск США в ФРГ было расформировано бригадное звено (упразднены 170-я и 172-я пехотные бригады, но 173-я аэромобильная бригада в Италии была сохранена). Единственной крупной частью наземных войск США оставался 2-й бронекавалерийский полк [8]. К 2014 г. общий размер американского военного присутствия сократился до минимальной за всю историю отметки в 32,2 тыс. военных [Зверев Ю., 2017]. Это означало, что средние темпы уменьшения военного присутствия в первой половине 2010-х годов (свыше 4 тысяч ежегодно) были близки к уровню второй половины 2000-х (почти 5 тысяч). Причём США выводили

прежде всего части и подразделения наземных войск, в существенно меньшей степени подвергая сокращениям персонал аэродромов, военных баз и штабов.

Этому, во-первых, были, чисто военные причины: Вашингтон анонсировал в середине 2010-х годов новые планы масштабных сокращений армии (с 45 до 33 бригад к концу десятилетия), одной из составляющих которых стало новое уменьшение объёмов присутствия американских войск в Европе [Прокопьев И.Р., 2018]. Во-вторых, всё более заметной становилась критика военного присутствия США в ФРГ, в том числе сохранения на её территории тактических ядерных боезарядов, со стороны ряда общественных движений и оппозиционных партий в самой Германии [12]; [16].

И эти факторы во многом предопределили те особенности наращивания группировки Соединённых Штатов в Германии, которое стартовало с 1991 г. в условиях нарастания новой холодной войны. Для военно-политического руководства США оказалось непросто перенастроить национальную «военную машину» на траекторию роста её характеристик, что в случае с увеличением американского военного контингента в ФРГ вызывало растущее недовольство оппозиции внутри Германии (притом не только крайне левой, но и правой), чья электоральная поддержка во второй половине 2010-х годов существенно возросла.

Соответственно, медленным оказался восстановительный рост американского контингента в ФРГ: к осени 2019 г. он возрос до 38,6 тыс. [17] (+ 6,4 тыс., или почти на 20% в сопоставлении с уровнем 2014 г.), хотя оппозиция считала эту цифру заниженной. При этом в Германию стали перебрасываться партии тяжёлых вооружений без личного состава: в 2015-2016 гг. была осуществлена переброска 250 ОБТ типа «Абрамс» и БМП типа «Брэдли» со складированием их в ангарах баз в Графенвёре (Бавария) и Манхайме (Баден-Вюртемберг) [12: 1]. Тем самым военное руководство США пошло на воссоздание в Германии кадрированной бронетанковой бригады, которая имела полный комплект вооружения и минимум личного состава. Не фигурируя в списке активных соединений американской армии, эта бригада может стать таковым очень быстро – сразу после прибытия в ФРГ личного состава «налегке». При этом, как уже отмечалось выше, роль Германии как огромного логистического хаба, необходимого для ротации кадровых соединений войск США в Восточной Европе, равно как и для создания кадрированных бригад [12: 1], стала исключительной. В сопоставлении с западными землями ФРГ, портовая инфраструктура Польши и стран Балтии не была в полной мере готова к приёму масс техники и иных грузов из США. В ещё большей степени выбор Германии из-за её географического положения был обусловлен опасениями потенциальной реализации Россией мер по ограничению и воспрепятствованию доступа и манёвра (*anti-access and area denial, A2/AD*) при развёртывании группировки США в Восточной Европе.

«ЖОНГЛИРОВАНИЕ» ФАКТОРОМ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В ФРГ ПРИ Д. ТРАМПЕ

Симптомы начала глубокого кризиса двусторонних отношений США и ФРГ проявились уже в первые недели президентства Д. Трампа (январь 2017 г.). Он добивался обеспечения максимально полного суверенитета страны в его «классическом» понимании, пытаясь заменить выстроенные многосторонние форматы системой двусторонних межгосударственных связей. Имея мышление бизнесмена, Д. Трамп в своих действиях нивелировал фактор трансатлантической солидарности и пытался вести предельно прагматичный диалог с государствами – партнёрами по НАТО, стремясь к коммерциализации широкого спектра вопросов военного сотрудничества, в том числе разностороннего финансового сопровождения присутствия войск США в европейских странах.

Растущее недовольство администрации Д. Трампа Берлином было вызвано, во-первых, постепенным превращением ФРГ в новый и отчасти альтернативный США центр притяжения в евроатлантической региональной подсистеме и на глобальной арене в целом. Ключевыми отличительными чертами этого центра выступали: существенно более взвешенный (чем у Соединённых Штатов) подход к использованию военного потенциала вне зоны ответственности НАТО, стремление к укреплению связей внутри европейской составляющей «коллективного» Запада и активизация её автономных действий стратегического характера. В частности, две последние тенденции активно проявлялись в различных формах уже при администрации Д. Трампа – в том числе, как асимметричный ответ на её шаги. Это запуск по инициативе Германии и Франции Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны, ПЕСКО (*Permanent Structured Cooperation, PESCO*) как основы для долгосрочного многотрекового сотрудничества стран-участниц в военно-политической сфере, а также отличная от США линия ФРГ (в тандеме с официальным Парижем) по сохранению иранской «ядерной сделки», урегулированию вооружённых конфликтов в Мали, на Украине (включая масштабное небоевое использование бундесвера) и отчасти в Сирии. Во-вторых, 45-й президент США последовательно выражал недовольство недостаточным, с его точки зрения, вкладом ФРГ в обеспечение общей безопасности. Ключевыми требованиями выступали наращивание военных расходов до уровня не ниже 2% ВВП и количественных параметров потенциала бундесвера. Тем самым администрация Д. Трампа преследовала цели увеличить объём экспорта в ФРГ произведённой в США военной продукции, и «разгрузить» войска Соединённых Штатов – прежде всего внутри зоны ответственности НАТО. Действительно, германская сторона к концу 2010-х годов стала стремиться к наращиванию всех характеристик (включая финансовые, численность личного состава, парк ВВТ) своей «военной машины» [Major, 2019]. Однако это происходило не только и не столько вследствие давления США, а из-за потребностей самой Германии, которая столкнулась с проблемой

стремительно растущего разрыва между державными амбициями и объёмом ресурсной базы (применительно к военной сфере), который мог быть для этого использован. В тактическом плане рост потенциала «военной машины» ФРГ в определённой мере содействовал «разгрузке» вооружённых сил США, но в стратегическом нёс угрозу её лидерским позициям, объективно увеличивая готовность и, главное, практическую способность Германии нести растущую нагрузку в решении проблем безопасности в Европе и мире.

Отсутствие осознания Д. Трампом такой перспективы свидетельствует о его политической близорукости, первоочередной сфокусированности на достижении сугубо тактических (оказывавшихся часто временными) успехов. В отчётливой форме эти черты проявились при выдвигании Вашингтоном инициативы по сокращению военного присутствия в Германии. Хотя глубокий кризис двусторонних отношений динамично развивался уже с начала 2017 г., рассматриваемый вопрос был впервые поставлен в июле 2018 г. К этому моменту запас «стратегических шоков», с помощью которых администрация Д. Трампа пыталась скорректировать стратегическую линию ФРГ в выгодном для себя направлении, начал исчерпываться. Угрозу частичного вывода войск Д. Трамп рассматривал в качестве «последнего аргумента» в давлении на Германию, впервые озвучив эту идею накануне Брюссельского саммита НАТО (11–12 июля 2018 г.) [7].

К данному времени численность группировки войск США в ФРГ оценивалась не менее чем в 38,6 тыс. военнослужащих (по мнению оппозиции – до 42 тысяч) [18]. Из этого числа 9,6 тыс. (то есть примерно четверть) приходилось на персонал военно-воздушных баз (в основном Рамштайн и Шпандалем) [17]. За вычетом штабного персонала (прежде всего, ЕВКОМ и АРФИКОМ в Штутгарте) на долю наземных войск приходилось 25–28 тыс. солдат и офицеров. Если учитывать, что численность модульной бригады армии США составляла 4,5–4,7 тыс. военнослужащих (и в 1,5–2 раза больше в обслуживающих подразделениях), то на территории ФРГ реально размещался личный состав, эквивалентный *двум полным бригадам* – помимо кадрированной танковой бригады, техника которой была складирована в Манхайме и Графенвёре. Одна из этих полных бригад – 2-й бронекавалерийский полк (4,5 тысяч, то есть бригадный штат) [8]. Силы второй, не называемой официально бригадой, небольшими гарнизонами были рассредоточены в Баден-Вюртемберге, отчасти Баварии и Рейнланд-Пфальце – в местах дислокации расформированных 170-й и 172-й пехотных бригад, куда была перемещена и техника кадрированной танковой бригады.

Накануне Брюссельского саммита НАТО (2018) Д. Трамп заявил о намерении передислоцировать часть войск США из Германии в Польшу [7]. Действуя в своём восприятии методом кнута (в отношении ФРГ) и пряника (в случае Польши), глава Белого дома надеялся стимулировать официальный Берлин к ускорению военных расходов. Однако эффект оказался обратным: заявление Д. Трампа не вызвало просьб властей ФРГ об отказе от данного шага, зато спровоцировало всплеск общественной дискуссии в Германии по вопросу полного демонтажа

военного присутствия США [7]. Подкрепляя своё стремление к росту правосубъектности на мировой арене наращиванием ресурсной базы (в том числе потенциала бундесвера), официальный Берлин не нуждался остро в военной помощи Соединённых Штатов. Этому способствовало и то, что в реалиях новой холодной войны, существенно более мягкой в собственно военном измерении по сравнению с предыдущей, Германия располагалась не на передовой, а в глубине зоны ответственности альянса, по-иному воспринимая ситуацию на его восточных рубежах. Параллельно во всё большем масштабе проявлялась незаинтересованность широких кругов германской общественности в сохранении военного присутствия США: так, после заявления Д. Трампа о сокращении американского военного присутствия 42% респондентов высказались «за» его полный демонтаж, 21% воздержались и лишь 37% были «против» [7]. Одновременно заявление Д. Трампа вызвало жёсткую критику со стороны истеблишмента США, в том числе профессиональных военных [7].

Причины критики военных заключались, во-первых, в том, что перемещение войск в Польшу означало перенос центра приложения военных усилий США в Европе из зоны *второго* в район *первого* стратегического эшелона войск НАТО. Как уже отмечалось, Белый дом ещё при администрации Б. Обамы шёл на усиление своего присутствия в Восточной Европе (6,0 тысяч к 2017 г.) [3], но группировка средств и сил здесь оставалась несоизмеримо меньше, чем в глубине зоны ответственности альянса – как в ФРГ (не менее 35 тысяч к 2017 г.), так и в других «старых» государствах-членах в целом (67 тысяч) [4]. Европейские государства – члены НАТО, в том числе ФРГ, при выделении своих войск в состав группировок альянса на континенте отдавали предпочтение не силам передового развертывания (СПР), расположенным на ротационной основе в зоне первого стратегического эшелона, а силам быстрого реагирования (СБР), основные места дислокации которых находились во втором эшелоне. Де-юре США принимали минимальное участие в комплектовании СБР, но при этом активно («тяжёлая» бригада и «ядро» БТГ) участвовали в деятельности СПР. Однако де-факто основная масса войск Соединённых Штатов в Европе предназначалась для тесного взаимодействия именно с СБР с предпочтительной их дислокацией в зоне второго стратегического эшелона НАТО, откуда войска могли выдвинуться на наиболее угрожаемые направления. Именно такая схема отработывалась в ходе крупнейших межвидовых учений НАТО «Анаконда-16» (7-17 июня 2016 г., основной район – западные воеводства Польши) и «Трайидент джанктур-18» (*Trident Juncture 18*, 25 октября – 7 ноября 2018 г., южная часть Норвегии и прибрежная акватория). В обоих случаях США, предоставив самые многочисленные контингенты (14 тыс. из 31 тыс. в 2016 г. и 20 тыс. из 50 в 2018 г.), выдвигали их, особенно наземную часть, именно с территории ФРГ [19]; [20].

Иллюстративны указанные основные цель и район проведения учений «Дифендер Юроп-20» (*Defender Europe-20*), перенесённых в связи с эпидемией *covid-19* с 2020 г. на 2021 г.: это отработка переброски масс личного состава и тех-

ники из США в Европу, прежде всего в Германию, для усиления европейской группировки в случае возникновения кризисной ситуации [21]. С высокой долей вероятности одной из составляющих учений станет прибытие личного состава «налегке» в распоряжение кадрированной танковой бригады в Манхайме и Графенвёре. Учения «Дифендер Юроп-21» на практике подчеркнут геополитическую значимость ФРГ для группировки войск США в Европе в целом. При этом передислокация войск из Германии в Польшу означает развёртывание на территории последней постоянного военного присутствия Соединённых Штатов, что является нарушением де-юре и де-факто основополагающего акта Россия – НАТО (1997 г.), тем содействуя эскалации новой холодной войны.

Во-вторых, критическое отношение истеблишмента США, в том числе военного, к заявлению Д. Трампа о намерении передислоцировать часть американских войск из ФРГ в Польшу объяснялось тем, что этот истеблишмент в принципе не был готов отказаться от использования Германии как огромного логистического хаба, позволяющего свободно маневрировать войсками в Европе и в мире. Тяжёлые, если не сказать – близкие к катастрофическим, последствия могло бы в этой связи иметь снижение объёмов перевозок или тем более закрытие даже одной из ключевых военно-воздушных баз в Германии. Исключительно невыгодным было бы перемещение (в частности, в Польшу) управлений АФРИКОМ и особенно ЕВКОМ, что уже в силу географических причин резко снизило бы эффективность управления войсками США в Африке и в самой Европе.

Наконец, в-третьих, идя по пути демонтажа механизма военного присутствия в Германии, Д. Трамп в стратегическом плане не создавал для неё новых трудностей, но, напротив, сам расширял «окно возможностей» для обретения ею полного реального суверенитета и тем самым ослаблял позиции США как «старшего партнёра» в диалоге с ФРГ и в системе двусторонних связей с государствами – партнёрами по Евроатлантическому сообществу.

Показательно, что свою инициативу по частичному выводу американских войск из Европы Д. Трамп озвучил (не назвав конкретных цифр) в июле 2018 г. без консультаций со своими советниками. Однако у него сохранилась возможность для маневрирования: уже в сентябре 2018 г. посол США в ФРГ Р. Грэнелл, де-факто личный эмиссар президента, заявил об изменении планов: вместо вывода части войск планировалось дополнительное развёртывание 1,5 тыс. военнослужащих к 2020 г. [6]. Двумя косвенными подтверждениями отказа США от сокращений группировки в ФРГ стали соглашение официальных Вашингтона и Варшавы от 12 июня 2019 г. о развёртывании на территории Польши дополнительно 1,0 тыс. военнослужащих с передислокацией их из самих Соединённых Штатов [3], а также решение о проведении учений «Дифендер Юроп-20» [21].

Тем не менее Д. Трамп, в очередной раз демонстрируя приверженность своему принципу «довести до конца однажды заявленное», вновь – уже по линии Министерства обороны – озвучил планы по выводу из Германии 12 тыс. военнослужащих (или около трети всей группировки), в том числе 2-го бронекавале-

рийского полка (единственной официально декларируемой части бригадного уровня) [8].

Возникает вопрос: имелись ли какие-либо рациональные причины для принятия подобного решения? Таковой, притом, возможно, единственной, представляется объективная нехватка войск (особенно наземных) у США для одновременного выстраивания протяжённых «дуг сдерживания» РФ (прежде всего, в Европе) и КНР (в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Действительно, эта проблема проявилась ещё при Б. Обаме: так, перебрасываемые в качестве ротационного «тяжёлого» соединения 3-я тбр 4-й пехотной дивизии, как и затем 2-я тбр 1-й пехотной дивизии, временно изымались из системы «сдерживания» КНР на западном побережье США [см.: 11]. Соответственно, для Д. Трампа с его бизнес-мышлением логичным казалось накопление резервов в США за счёт переброски войск с второстепенных, по его мнению, направлений, в том числе – ФРГ. При этом операция «Дифендер Юроп» рассматривалась как возможность экстренного возвращения войск в случае необходимости. Однако эта тактика напоминала скорее «тришкин кафтан», вызывая растущее сопротивление значительной части истеблишмента США, в том числе противника Д. Трампа на президентских выборах-2020 Дж. Байдена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос эволюции военного присутствия США в ФРГ является одним из магистральных для диалога о межгосударственных отношениях, выступая при этом индикатором их реального качества. По мере хронологического отступления от предыдущей холодной войны и особенно периода укрепления позиций ФРГ как «восходящей державы» на мировом уровне рассматриваемая тема фактически стала проблемой, приобретающей всё более отчётливую болезненность. Показательно, что в наиболее острых для сторон (прежде всего самих США) формах вопрос ставился в ходе кульминационных этапов кризиса двусторонних отношений: в 2005 г., когда официальный Берлин предложил полный демонтаж механизма американского военного присутствия; в 2018 и 2020 г., когда уже Белый дом начал озвучивать планы его резкого сокращения, чреватого прохождением критической отметки в данном процессе, представляющей собой тот объём военного присутствия, уменьшение которого делает его уже номинальным, а главное сложно восстанавливаемым в случае необходимости. При этом возникают издержки не только и не столько собственно военного, сколько политического характера, так как США лишаются мощного инструмента опосредованного влияния на политику ФРГ.

Каковы количественные параметры данной критической отметки? Здесь, *во-первых*, следует учитывать соотношение численности войск США в Германии и самого бундесвера, который в 1990 – середине 2010-х годов сокращался по всем основным параметрам, а с 2017–2019 гг. перешёл к траектории восстановительного роста [см.: 22]. Так, исследуемый показатель (соотношение численности американ-

ских войск в ФРГ к численности бундесвера¹ в 1990 г. составлял 1:2, в 2006 г. – 2:7, в 2009 г. – 2:9, в 2014 г. – 2:11, в 2018 г. – вновь 2:9, а в случае реализации решений администрации Д. Трампа это соотношение приблизится к 2:27 (!). Соответственно, на протяжении всего рассматриваемого периода удельная скорость сокращений группировки США в Германии была выше редуций самого бундесвера. Резкое увеличение разницы наблюдалось именно с середины 2000-х годов, так как сказывался эффект движения по «накатанной колее»: в предшествующие полтора десятилетия тенденция сокращения стала аксиоматической для группировки войск США в ФРГ. Однако данный эффект не мог возникнуть сам по себе: помимо собственно военных причин, он был обусловлен и политическим резонансом, прежде всего, растущим общественным недовольством внутри Германии и ограниченной заинтересованностью самого официального Берлина в сохранении американского военного присутствия. Де-факто его важность для германской стороны существенно не возросла, что было обусловлено изменившейся ролью ФРГ в Европе и мире, равно как и удалённостью от границы зоны ответственности НАТО.

Показательно в этой связи, что Канада вывела свои войска из ФРГ ещё в 1990-е годы, Бельгия, Нидерланды и Франция сократили союзнические контингенты в Германии до номинальных показателей к началу 2010-х годов [16: 14-15] и даже Великобритания планировала осуществить вывод Рейнской армии, отложив данный процесс под влиянием брексита и трампизма. Иными словами, США являлись единственным государством – обладателем механизма масштабного военного присутствия в ФРГ, которое в принципе не ставило вопрос о его полном или частичном (до номинальных показателей) демонтаже.

Рост темпов сокращения войск США в Германии при второй администрации Дж. Буша-младшего (2005–2009 гг.) и первой Б. Обамы привёл к тому, что в период его второго президентского срока (2013–2017 гг.) США вплотную подошли к критической отметке. Согласно расчётам автора, её значение как абсолютной величины – «30 тысяч +» *военнослужащих*, что включает в себя не менее двух крупных военно-воздушных штабов, двух региональных командований и более чем одну активную бригаду. При этом администрация Б. Обамы в реалиях новой холодной войны сумела в середине 2010-х годов начать восстановительный рост группировки США, то есть оттолкнулась от почти достигнутого «дна». Реализация инициативы Д. Трампа перечеркнула бы данное достижение и означала «пробивание» критической отметки, что было бы особенно важно на фоне общей деградации двустороннего американо-германского взаимодействия при 45-м президенте США. Однако представляется, с очень высокой долей вероятности, что объявленный победителем на президентских выборах-2020 Дж. Байден полностью откажется от данных планов и продолжит двигаться по пути укрепления военного присутствия США в Германии.

¹Здесь и далее расчёты произведены автором на основании материалов статьи и сайта, содержащего данные об изменении численности личного состава бундесвера [22].

ИСТОЧНИКИ

1. Пекин решил открыть первую военно-морскую базу за рубежом. 26.11.2015. Available at: <https://rg.ru/2015/11/26/baza-site.html> (accessed 19.11.2020).

2. Россия планирует создать в Судане пункт материально-технического обеспечения ВМФ. 11.11.2019. Available at: <https://tass.ru/politika/9974007> (accessed 19.11.2020).

3. U.S. Military Presence in Poland. Updated August 4, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF11280.pdf> (accessed 19.11.2020).

4. Estonia, Latvia, and Lithuania: Background and U.S.-Baltic Relations. Updated January 2, 2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R46139.pdf> (accessed 19.11.2020).

5. Reducing US Military Presence in Norway. 14.08.2020. Available at: <https://icds.ee/en/reducing-us-military-presence-in-norway/> (accessed 19.11.2020).

6. US transferring 1,500 soldiers to Germany 07.09.2018. Available at: <https://www.dw.com/en/us-transferring-1500-soldiers-to-germaniya-45404469> (accessed 19.11.2020).

7. Germans want Donald Trump to pull US troops out of Germany, poll finds. 11.07.2018. Available at: <https://www.independent.co.uk/world/europe/us-troops-germany-public-opinion-pull-out-nato-summit-merkel-a8442021.html> (accessed 19.11.2020).

8. Major US military units to leave Germany as part of large drawdown to begin within weeks, Esper says. 29.07.2020. Available at: <https://www.stripes.com/major-us-military-units-to-leave-germany-as-part-of-large-drawdown-to-begin-within-weeks-esper-says-1.639217> (accessed 19.11.2020).

9. NATO battlegroups in Baltic nations and Poland fully operational. 22.08.2017. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_146557.htm (accessed 19.11.2020).

10. 1st Cavalry soldiers headed to Poland, Baltics. 13.08.2014. Available at: <https://www.stripes.com/news/1st-cavalry-soldiers-headed-to-poland-baltics-1.298091> (accessed 19.11.2020).

11. US tanks, infantry fighting vehicles arrive in Estonia amid NATO buildup on Russian borders. 07.02.2017. Available at: <https://www.rt.com/news/376513-us-tanks-arrive-estonia/> (accessed 19.11.2020).

12. Kleine Anfrage der Abgeordneten A. Hunko, E. Bulling-Schröter, Dr. A. S. Neu, W. Gehrcke, Ch. Buchholz, A. Groth, U. Jelpke, N. Movassat, J. Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 3 S.

13. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border. 6.09.2017. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/us->

tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html (accessed 19.11.2020).

14. Armee der Einheit 1990 – 2000. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, 2000. 48 S.

15. Rede von Kanzler Gerhard Schröder auf der XLI. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005. Available at: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (accessed 19.11.2020).

16. Antwort der Bundesregierung auf der Kleine Anfrage der Abgeordneten P. Schäfer (Köln), I. Höger, J. van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE (Drucksache 15/5279). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/5586, 14.04.2011. 15 S.

17. Die US-Armee in Deutschland: Zahlen und Fakten. 15.09.2019. Available at: <https://www.dw.com/de/die-us-armee-in-deutschland-zahlen-und-fakten/a-50151636> (accessed 19.11.2020).

18. Abzug aller US- und UK-Truppen sowie US-Befehlsstellen aus Deutschland! (eine Petition). Available at: <https://www.openpetition.de/petition/online/abzug-aller-us-und-uk-truppen-sowie-us-befehlsstellen-aus-deutschland> (accessed 19.11.2020).

19. NATO countries begin largest war game in eastern Europe since cold war. 6.06.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (accessed 19.11.2020).

20. U. S. Joins NATO's Trident Juncture Exercise. 18.10.2018. Available at: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1666272/us-joins-natos-trident-juncture-exercise/> (accessed 19.11.2020).

21. DEFENDER-EUROPE 20. 2020. Available at: <https://shape.nato.int/defender-europe> (accessed 19.11.2020).

22. Personalbestand der Bundeswehr von 1959 bis 2019. 2020. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/495515/umfrage/personalbestand-der-bundeswehr/> (accessed 19.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зверев Ю. 2017. Вооружённые силы США в Европе: от окончания «холодной войны» до кризиса на Украине. *Евразия Эксперт*. 24.05.2017. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope> (accessed 19.11.2020).

Прокопьев И. Р. Реформирование организационной структуры сухопутных войск США в конце XX – начале XXI века // *Россия и Америка в XXI веке*. – 2018. – Выпуск 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000019-7-1/> (дата обращения: 19.11.2020). DOI: 10.18254/S0000019-7-1

REFERENCES

Fleckenstein B. 1990. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. No. 44. 12 p.

Major C. 2019. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. *SWP-Studie*.

Prokopiev I. 2018. Reformirovanie organizatsionnoi struktury sukhoputnykh voisk SShA v kontse XX – nachale XXI veka [Reforming the U.S. Army Organization at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. (2). DOI: 10.18254/S0000019-7-1 (accessed 19.11.2020).

Varwick J. 2007. Nordatlantische Allianz // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763-778.

Zverev Yu. 2017. Vooruzhennyye sily SShA v Evrope: ot okonchaniia «kholodnoi voiny» do krizisa na Ukraine [The U.S. armed forces in Europe: since the end of the Cold War until the Ukrainian crisis] (In Russ.). *Eurasia Expert*. 24.05.2017. Available at: <https://eurasia.expert/vooruzhennyye-sily-ssha-v-evrope> (accessed 19.11.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект 51/21.

Philipp O. TRUNOV. Cand. Sci. (Political), Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (INION RAS). 51/21 Nakhimovskiy pros., Moscow 117997, Russian Federation